

В поисках человеческого лица

Выставка Евгения Габриелева «В поисках русской харизмы»
в музее В. А. Тропинина *Сегодня - 1996 - 30 янв. - с. 5.*

Владимир Сальников

начала два списка.

Первый: М. С. Бегичев, С. М. Голицын, Императрица Елизавета Петровна, А. П. Ермолов, В. А. Злобин, А. А. Константинов, А. И. Кусов, С. С. Кушников, П. К. Ломновский, А. Ф. Львов, С. О. Потоцкий с дочерью, А. В. Суворов, А. И. Хлудов, М. М. Щербатов.

Второй: С. Н. Бабурин, С. Ю. Глазьев, С. С. Говорухин, В. В. Жириновский, М. М. Задорнов, Г. Ю. Зюганов, Е. Ф. Лахова, Ю. М. Лужков, В. П. Лукин, В. А. Никонов, Э. А. Памфилова, Э. Э. Россель, И. М. Хакамада, В. С. Черномырдин.

Портреты этих господ были показаны вперемежку. Первого списка — на холстах маслом. Второго — на больших листах бумаги в черно-белой фотографии, для большей солидности окантованные в рамы. Густо, тесно, на серых стенах в двух в общем-то маленьких залах музея. Между Лужковым и Бабуриным военный инженер генерал-лейтенант Ломновский. Хлудов между Хакамадой и Панфиловой. Между Никоновым и Задорновым дочь Петра Великого. Говорухин, Лахова, Жириновский в один ряд. Лужков рядом с Потоцким. Черномырдин с краю. Кто рядом с Зюгановым и Росселем, не вспомнить.

Современные русские вожди под стать историческим персонажам. Бравые, по большей части во властных позах самцов-бабуинов, охраняющих свою территорию. Дам обсуждать хоть и неподобающе, но невозможно не заметить: некоторые из них также демонстрируют определенную взволнованность.

Портрет — дело тонкое, особенно в перешней России. Когда-то автор этих строк пытался писать портреты тогда еще советских людей (правда, исключительно женщин). Ничего из этого не получилось. И, кажется, не по одной вине живописца. Невероятно, но он обнаружил: у людей доваучерной эпохи не было того, что составляет суть старого жанра. «Места в обществе», социальности, имущества, должности. Отчего черты их оказывались весьма неопределенны.

Долгое время для всех без исключения граждан великой страны портрет существовал только в виде фотографии в паспорте. Истинными же портретами были лишь сделанные сухой кистью физиономии членов политбюро. А относительными — лики передовиков на досках почета.

Евгений Габриелев пришел именно тогда, когда у небольшой части русских людей наконец появилось имущество, долж-

ности, власть и производное от этих обстоятельств — лица. Он заметил это. И попытался выразить в том, что назвал «парадным портретом». Понятие это обозначает просто портрет. Деление же на парадные и непарадные возникло не так уж давно вследствие деградации жанра. Так как любое изображение персоны, если оно портрет, обязательно «парадный портрет». (Я разбираю эти скучные детали из-за того, что без понимания их пропадает вся оригинальность задумки.)

Вообще же сама процедура сравнения получившихся фотографий со столь удачно соседствующими им живописными образами доказывает, что в этом случае мы имеем дело именно с портретом. А не с фотоизображениями иного характера, подобными тем, какими давно полны газеты и журналы. Однако вот вопрос: относится ли портрет к искусству? Ведь в прошлом, вплоть до Сезанна, он был лишь частью этикета, документом, свидетельством сословной и социальной значительности, частью обстановки. А также хлебом для живописца. Но никогда до того по-настоящему не пользовался репутацией живописи. Все, что начиная с середины научного XIX столетия старались обнаружить в портрете — характер, психологию, — ни в коем разе не входило в задачу портретиста.

Портрет — вещь тяжелая. Смотреть его в больших количествах невыносимо. Заканчивая осмотр лондонской Национальной портретной галереи, вы ловите себя на мысли, что только что познакомились с несколькими сотнями британских трупов. Королями, их домочадцами, парламентариями, исследователями, генералами, битлом Маккартни, королевой-матерью и леди Дианой.

Похожую усталость вы чувствуете на выставке в музее Тропинина. В нем тоже одни портреты, хоть их и меньше. Невозможно даже понять: хороши фотографии Габриелева или плохи. При том что волей-неволей приходится уважать славных предков, помещенных рядом с ними. Показательно: тем, кому выставка понравилась, она понравилась как остроумная концепция. Тем, кому нет, — из-за того, что любоваться чужими лицами, если они не кисти Рембрандта или Серова, невыносимо. Вот почему продать портрет, когда он не антиквариат и не имеет никакого отношения к покупателю, невозможно.

Что касается харизмы, которую один из авторов каталога философ Александр Иванов сравнивает с благодатью, то в ней критик ничего не понимает. Как, впрочем, и в благодати. Большинство же запечатленных мастером уважаемых политиков критику определенно не нравятся, а многие вызывают почти физиологическое отвращение. Как говорят немцы, когда хотят сказать о том, насколько они кому-то доверяют: ни у кого бы из них он не купил подержанной машины.

Р. С. Еще одна деталь. Стул. На нем сидят, рядом с ним стоят, им манипулируют народные избранники. Это то, что называлось «венским стулом». Он хрупок, обшарпан, старомоден, жалок. Художник придает ему значение символа. Какого — критику почему-то не интересно. Критик хочет видеть в нем аллгорию народа, представляемого этими шикарными господами.

